

ДМИТРИЙ СИЛЛОВ

ЯКУДЗА

ТЕНЬ ЯКУДЗЫ
•
УЧЕНИК ЯКУДЗЫ
•
ПУТЬ ЯКУДЗЫ

Издательство АСТ
Москва

ТЕНЬ ЯКУДЗЫ

*Автор часто не разделяет точки зрения своих героев.
Но так как они тем не менее остаются его героями,
он прощает им маленькие слабости,
рассчитывая на аналогичное отношение
читателей к ним.*

Часть первая

ЧЕРНАЯ САКУРА

В воздухе пахло гарью и паленым мясом. Крупные хлопья сажи, гонимые порывами ветра, напоминали лохматых воздушных змеев, которых дети запускают в небо в канун праздника Нового года.

— Мацукура Сигемаса, пожалуй, был слишком строг с нами, — произнес чей-то голос за спиной.

Виктор обернулся.

Позади него стоял воин в доспехе жутковатого вида, напоминающем панцирь гигантского жука. На лице воина была надета железная маска ужасного демона, поэтому его голос звучал глухо.

— Я думаю, что не стоило так часто надевать на них соломенные накидки только для того, чтобы узнать, поможет ли им христианский Бог, когда их одежда загорится. Тогда бы не пришлось тащиться на этот остров и просить о помощи дьяволов из Кога.

Виктора не удивило облачение воина и голос, говоривший на странном наречии. Вероятно, потому, что на нем были похожие доспехи и звучащие из-под маски слова были понятны, словно он знал их с рождения.

— Если за победу придется заплатить союзом с дьяволом, я готов заключить такой союз, — равнодушно произнес он на том же языке. — А христианский Бог дает осажденным дух воина и презрение к смерти, которые достойны уважения. И если ты помнишь, Имаи, самурай должен прежде всего научиться уважать достойного врага.

Воин в доспехах ничего не ответил, а лишь почтительно поклонился и сделал шаг назад. А Виктор вновь повернулся к горящему замку, за стенами которого демоны из Кога вместе с его солдатами завершали резню. Криков раненых не было слышно — христиане умели умирать достойно.

Тусклый, безжизненный диск солнца заволакивало дымом, поднимающимся с земли.

— Этой весной лепестки цветущей сакуры будут черными от сажи и пепла, — прошептал Виктор...

Лязг железа за стеной замка становился все тише. Бой заканчивался, и Виктор боялся признаться самому себе, что в глубине души он желает победы не своим солдатам. И уж тем более не демонам из Кога, само имя которых до сих пор вселяет ужас в сердца жителей страны Ямато.

Но чудеса случаются только в сказках.

На языки пламени, вырывающиеся из-за стен замка, внезапно легла черная тень. Показалось на мгновение, что не человек, облаченный в черные одежды синоби, медленно взошел на стену, а настоящий демон из преисподней возник из моря бушующего огня.

— Вот он, их предводитель, — услышал Виктор приглушенный шепот за спиной. — Неужели после этой осады кланы ночных убийц снова начнут набирать силу?

— Не начнут, — покачал головой Виктор, мысленно коснувшись татуировки дракона, с недавних пор украшающей его спину. Он знал — время синоби прошло. Скоро новая, гораздо более мощная организация будет править страной Ямато и диктовать условия не только императору, но и самому всеильному Сегуну.

Между тем человек на стене, словно прочитав мысли Виктора, согнув колени, медленно опустился на пятки и так же медленно сплел пальцы в замысловатую фигуру. Отсюда Виктор не мог видеть его лица, тем более что оно было скрыто двумя полосками черной ткани. Но он кожей почувствовал змеиную усмешку, скользнувшую по губам предводителя синоби.

И он понял, что услышит сейчас.

И от невольного, животного, непреодолимого ужаса, поднимающегося из глубин его естества, вздрогнул и... проснулся.

Другая, пока еще мутная реальность плеснула в глаза. И первую пару секунд было трудно сказать, что более настоящее — смазанная картина странного и жутковатого сна или черная муха, ползущая по прилавку рядом с его носом.

А между тем муха ползла.

Это была осенняя муха, и потому ползла она неуверенно, смахивая повадками на грузчика дядю Ваню, когда он, приняв после работы священные двести пятьдесят, бредет домой — медленно, пошатываясь, но на выверенном годами автопилоте, почти осмыс-

ленно сканируя окружающее пространство мутными фасетками выпученных глаз.

Есть такое французское выражение — дежавю. Это когда какое-то событие, уже поимевшее место быть, в точности повторяется через некоторое время.

Витек проморгался со сна, обнаружил себя сидящим на стуле, положившим голову на скрещенные руки, в свою очередь лежащие на прилавке, — и задумался. Глубокие познания в заморской речи были ему не свойственны. Тогда откуда вдруг ни с того ни с сего такие мудреные мысли?

А муха продолжала ползти. У нее был один и тот же маршрут. Уже третий день подряд она ползла поперек прилавка — от кассы мимо грузных весов, смахивающих на памятник застою, до треснутого пластмассового блюдечка для сдачи. И никогда наоборот. А уж вдоль — боже упаси! Только поперек. И почему-то именно в этот момент ее мушиной жизни постоянно ловил ее взгляд Витька. И даже если удавалось ее прихлопнуть, преемницы мухи, видимо, чтя память погибшей насильственной смертью товарки, снова ползали проторенной дорожкой.

Дежавю, одним словом. Через день, через неделю, через месяц, но, так или иначе, она будет прилетать сюда исключительно для того, чтобы приземлиться на прилавок и ползти к грязному краю блюдца, навевая наблюдателю не свойственные ему иноземные мысли.

«Вот так от безделья у трудового народа сползает крыша...»

На прилавке лежала тоненькая книжка с хитрыми иероглифами на обложке и русским переводом под ними, от нечего делать когда-то купленная и насилу до половины прочитанная. Назывался сей труд «Три стратегии Хуан Ши-Гуна». Витек иногда — когда книга попадалась на глаза — давал себе слово все ж таки продрасть сквозь мудреные наставления чуть не трехтысячелетней давности. Но дальше мысленных клятв дело не шло, и пока что книжка служила исключительно для истребления надоедливых насекомых. Случалось также, что иногда несознательные коллеги тайком от Витька использовали страницы «трех стратегий» по известной надобности, которую вышеупомянутый бывший интеллигент, а ныне, со слов шефа, старший менеджер по ППР, то есть погрузочно-разгрузочным работам, дядя Ваня описал с присущим ему народным юмором: «Дедушка взял книгу и пошел за угол. Не иначе погадить, так как читать он не умеет».

Но сейчас убивать насекомое было лень. Лень было двигаться вообще. Покупателей — ноль, настроение — ноль. А какое оно будет после снов таких жутких, кошмарных, не пойми про что.

«Меньше надо восточным фольклором мух бить, тогда кошмары сниться не будут», — подумал Витек.

А тут еще Клавка, паскуда, снова на работу не вышла. Почему — понятно, и гадать нечего. Одно из двух. То ли очередная безумная любовь, то ли внеплановый аборт как следствие таковой. Так что сиди вот тут за прилавком, Виктор Алексеевич, — типа, со слов того же шефа, и коммерческий директор палатки, и младший менеджер по ППР, и вот теперь, по милости Клавки, заодно и продавец в одном флаконе, то есть лице.

А часы над головой — тик-так — тащат еле-еле толстую ленивую часовую стрелку к заветной цифре 8, по достижении которой можно забить на покупателей, мух и французские слова, оторвать зад от стула, закрыть к чертям собачьим палатку, робко претендующую в соответствии с существующим законодательством на магазин, и топать себе восвояси навстречу нехитрому набору вечерних послерабочих радостей.

Но до восьми еще и семь, и шесть, и почти что пять. Так что сиди, Витя, сиди, созерцай муху и тихо сходи с ума.

«А может, я ее не убил в прошлый раз? Может, она бессмертная, как Кашей? Возрождается после прихлопывания, как эта... птица... блин, как ее?»

Однако окончательно двинуться крышей на почве безделья Витьку было сегодня не суждено. Бессмертная муха, не доползая до точки назначения пару дециметров, застыла, после чего круто взлетела вверх, потревоженная потоком воздуха от шумно и резко распахнутой двери магазинчика.

История возникновения в голове французского слова мгновенно нарисовалась сама собой. Ну конечно! Хрестоматийная «Матрица», переименованная милицейским Гоблином в «Шматрицу» и пересмотренная заново пару-тройку месяцев назад. Как раз оттуда это самое дежавю, когда там у них сбой в программе и виртуальная одинаковая кошка бегает туда-сюда одним и тем же маршрутом по одному и тому же отрезку пространства. Помнится, они там в кино от этой кошки чуть все со страху не загнулись. Америкосы, что с них взять? Слабый народец, нервный. Не закаленный суровой действительностью. Их бы к нам на стажировку, в развивающийся капитализм. На месячишко...

Вошедших было четверо. Одинаковых, словно клоны овечки Долли. Только не в кудряшках. Скорее наоборот.

Бритые, квадратные, чем-то смахивающие на неандертальцев из школьного учебника, в черной коже и челюстях, мерно прес-сующих разрекламированную резину, защищающую зубы с утра до вечера.

«Дежавю...»

— Я у тебя неделю назад был? — без предисловий, с нажимом на «был» сказал один из клонов, подходя к прилавку.

При ближайшем рассмотрении он несколько отличался от собратьев. У него были колючие глаза, ростом и в плечах он был помощнее остальных. И имел этот клон, помимо всего вышеперечисленного, три массивных перстня на пальцах. Один золотой, ненормально большой и, видимо, изрядно тяжелый. Который в случае надобности перевернешь печаткой в ладонь — кастет получается. И два колотых синей тушью с расплывшейся символикой, свидетельствующей о похождениях колючеглазого в местах, отдаленных от цивилизации весьма и весьма.

— Так был?

Витек кивнул.

— И чо?

— Так я ж не хозяин, — пожал плечами Витек.

— А где хозяин?

— А бес его знает. Приходит, когда хочет, бабки заберет — и нет его.

— И доли он не оставил?

— Не-а. Не оставил.

— А насчет стрелки ты ему говорил?

Колючеглазый, конечно, выглядел грозно. Но не привык Витек, чтоб с ним вот так разговаривали — сверху вниз и тоном, как боярыня Морозова с провинившимся холопом.

— Слышь, земляк, — сказал Витек задушевно, — тебе хозяин нужен — ты и ищи его. И передавай ему, чего хошь. Я к тебе в курьеры не нанимался.

Колючеглазый прижал уши и окрысился.

— Я тебе не земляк, падло! И жопу со стула подыми, когда с тобой люди говорят! Пока тебе ее не оторвали на хрен.

А вот это уже не лезло ни в какие ворота.

Витек знал клона. Он жил на соседней улице лет эдак с пятнадцать назад и тогда еще не имел отношения к генетическим

экспериментам. Тогда он был лопоухим задиристым пацаном, гонял в футбол, дрался со сверстниками с соседней улицы (с Витьком тоже было раза два со счетом один-один), таскал девчонок за крысиные хвостики и стрелял из рогатки по форточкам. Словом, был крутым хлопцем, грозой замечтавшихся кошек и занозой в заднице участкового. Пока однажды по недомыслию то ли не ту форточку подстрелил, то ли не тому коту усы поджег — словом, загремел парниша в те края, где из племени молодого незнакомого за некоторое количество лет лепят одинаковых бандюганов с цепями, перстнями, челюстями и характерным лексиконом.

Клон был здоров и под перстнями имел кулаки нехилые. Но Витек на свои кулаки тоже особо не жаловался, а потому поименованную выше часть тела от стула послушно оторвал да и вмазал вымогателю меж надбровных дуг изо всей дурацкой мочи.

Ударенный охнул от неожиданности и с размаху сел на кафедру. Витек сноровисто сунул руку под прилавок за припрятанной там бейсбольной битой (дядя Ваня где-то стибрил пару и Витьку обе за пузырь отдал) — но... самую малость не успел.

Пока двое дружков ударенного обалдело рассматривали невиданное панно — вожак, сидящий на пятой точке, мотающий головой и туго постигающий окружающую реальность, — третий резко выдернул из-за пазухи что-то короткоствольное, направил его на Витьку и нажал на курок.

Витька не больно, но сильно толкнуло в плечо. Настолько сильно, что плечо улетело назад, словно деталь, к остальному телу отношения не имеющая.

Баммс!!!

Витек даже не успел удивиться, как вслед за плечом назад рвануло его самого. Дернуло, треснуло башкой об холодильник...

На пол он сполз сам, без посторонней помощи, потому как вдруг резко перестали держать ноги. Загудела голова, залилась тошнотворной матовой дурью, заньло, заболело плечо. Сначала глухо, потом вдруг очень быстро, по нарастающей, до стона, до крика накатила тупая боль.

Закричать-застонать Витек не успел. От удара под дых крик пресекся в зародыше. Вслед за плечом боль огненными пятнами запрывала по всему организму.

Его били в три пары ботинок. Через пару десятков секунд к ним присоединилась еще одна пара, лупцевавшая гораздо чувствительней всех трех вместе взятых.

Потом вдруг осталась только одна.

— Козлина, л-л-ля, порешу в натуре!!! Ты на кого грабку поднял? — ревел где-то под потолком то и дело срывающийся на визг глас ударенного клона. — Урод недоделанный!!! Да я твой рот... Да я твою маму...

И вдруг наступила тишина.

Последняя пара ботинок тоже прервала экзекуцию.

Хлопнула дверь — и стало совсем тихо. Только жужжала где-то под потолком французская муха, да тихо гудели в том же районе люминесцентные лампы.

— Нехорошо, ребята, вчетвером на одного, — нарушил тишину кто-то. — Да и потом, лежачего бить — запаadlo.

— Шел бы ты лесом, дядя... — после секундной паузы сказал кто-то из клонов. Сказал вызывающе, но несколько нерешительно, как получивший на уроке от учителя замечание уличный шпаненок — вроде б и авторитет перед однокашниками терять нельзя, но и к директору идти неохота.

Витек медленно вытащил голову из плеч и разлепил залитые кровью глаза.

Четверо клонов стояли над ним, пялясь в пространство...

А из пространства на них надвигалась тень.

Большого из-под прилавка Витьку было не видать. Потом что-то свистнуло, чавкнуло — и клон, слишком медленно тянущий из-за пазухи обрез помпового «Ремингтона», взлетел в воздух, спланировал в стену лысиной, пробил ею хлипкую панельку и стек на пол.

— Ты чего, слышь?!

Тень шагнула из-за прилавка и материализовалась во плоти.

Это был мужик лет тридцати с виду. Высокий, с правильными чертами лица, волевым подбородком и взглядом глиняного буддистского монаха, которых продают в переходах торговцы сувенирами. Не в смысле китаец, а в смысле наш человек, российский, только взгляд глиняный, не из этого мира. Колоритное лицо... А ниже, там, где кончалось лицо, начиналось что-то страшное.

Мужик бугрился кошмарными мышцами. По сравнению с туловищем голова казалась непропорционально маленькой, не имеющей отношения к остальному телу. И сейчас это жутковатое на вид тело, затянутое в готовую расползтись по швам футболку с короткими рукавами, двигалось со странной киношной грацией, плавно и быстро, рассекая смазанными от скорости кулаками душный воздух магазинчика.

Бац! Бац! Бац!

Клоны попадали, словно кегли, пачкая кафель кровавыми соплями. И остались лежать на полу кучками черной турецкой кожи, не подавая признаков жизни. У одной лысой жертвы рекламы к нижней губе прилип комок белой жвачки с торчащим из него обломком зуба. Случаются порой в промежуток с утра до вечера обстоятельства, когда «Орбит» не спасает его поклонников...

Витек продышался, потом вылез из-под прилавка, держась за плечо. Левая рука провисла бесчувственной плетью.

— Спасибо.

— Не за что, — дернул углом рта телесный двойник Шварценеггера. — Только насчет «спасибо» — это ты зря.

— Почему?

Мужик несколько раз шумно прогнал воздух через легкие, восстанавливая дыхание. Потом посмотрел на свой кулак и поморщился.

— Черт, кожу об того рябого содрал. Непорядок. Давно с манекеном как следует не работал... Ты о чем? А-а, почему «спасибо» зря?

Он шагнул к прилавку и вытащил из заднего кармана джинсов сложенную в несколько раз матерчатую сумку.

— Ты мне молочка нольпятипроцентного упакуй пока пакетов пятнадцать.

— Пятнадцать?

— Угу. А «зря» — это потому, что сожгут тебя теперь.

Витек усилием воли собрал кричащее от боли тело и двинулся было к холодильнику, но тут до него потихоньку начал доходить смысл происшедшего только что.

— Как сожгут?

— А так. У нас тут не Москва, где все под ментами. У нас тут — сам небось знаешь — беспредел времен прошлого тысячелетия. Бензином обольют твой караван-сарай и спичку бросят. Но это лучше, чем если б сейчас тебя до смерти забили. С рукой что?

— Да вон тот выстрелил, — кивнул Витек на лысого клона, вяло шевелящегося у стены, словно выброшенная на берег большая медуза.

— Ясно, — сказал мужик. — Крови нет, значит, пуля резиновая. Поболит — перестанет. Да ты не напрягайся, давай всю упаковку.

Витек, кривясь от боли, дернул с пола требуемое, задел плечом монументальные весы...

Весы медленно накренились. С одной из жестяных чашек посыпались на пол гирьки. А из-под другой вывалилась тоненькая книжка с прозрачными крылышками скотча по бокам.

Мужик наклонил голову и прочитал вслух название:

— «Алхимик». Понятно. Кастанеда для пролетариата, — сказал он, усмехнувшись. — Заодно и дополнительный источник дохода для работников торговли. В перерывах оторвал, просветился — и обратно под весы. До прихода Немезиды в лице ОБЭПа. Ты, что ль, читаешь?

Витек, сидя на корточках, собирался с силами перед новым рывком.

— Не, — сказал он. — Это Клавка, продавщица. Я вон — три стратегии... Этого... Хуан Ши-Гуна. А с ОБЭПом у Клавки все схвачено.

— И это понятно, — кивнул мужик. — Не во Внутренней Монголии живем. И с ОБЭПом понятно, и с твоим китайским Аттилой... Хуан Ши... как его? Гунна? Если гунна — это хорошо. Только там что-то издатели напутали. У гуннов одна стратегия была — мочи козлов, не то они тебя замочат. А если у тебя или у вашей Клавки ощущается потребность в эсхатологическом постмодернизме, вы уж лучше Умберто Эко читайте. Или Пелевина. У вас теперь времени свободного будет — немерено. Вот и самообразовывайтесь, дети индиго.

Витек речи мужика воспринимал туго. Сказывались последствия битвы. Мир перед глазами был зыбким и неустойчивым. И еще отчаянно хотелось блевать.

Мужику, видимо, реинкарнации побитого работника торговли ждать надоело. Он перегнулся через прилавок, одной рукой легко перехватил мучимую Витьком упаковку с молоком, украшенную ушастой крысой, запихал ее в сумку и бросил на прилавок двадцать долларов.

— Сдачи не надо. Счастливо, братишка, лечи организм.

Витек обалдело смотрел на удаляющуюся спину, похожую на гигантское перевернутое V.

— Это самое...

— Да?

Мужик обернулся.

— А с ними что делать?

Витек кивнул на клонов, медленно возвращающихся к жизни.

Мужик хмыкнул.

— Да оклемаются — сами уползут. Только ментов не вызывай — тогда караван-сарай ваш прям вместе с тобой и сожгут.